

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 780-790
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.780

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“Own Foreigners” in the Imperial Project of Colonial Mediation in the Eastern Suburbs of Russia in the mid XIX – early XX centuries

Bakyt S. Tokmurzayev ^{a, *}, Michael K. Churkin ^{b, c}, Ulan K. Zhangaliev ^d, Serikbay D. Mamraimov ^e

^a Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

^c Tobolsk Complex Research Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Tobolsk, Russian Federation

^d Alikhan Bokeikhan University, Semey, Republic of Kazakhstan

^e Zhanibekov University, Shymkent, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article reveals the content of the domestic discourse of romantic nationalism, in which the concept of ‘their own foreigners’, constructed by imperial experts, was proposed as a tool to include representatives of the indigenous population of Asian Russia in solving the problems of imperial incorporation of the eastern peripheries. The choice of the temporal boundaries of the study was conditioned by the actualisation of the national consciousness of Russians and the wide discussion of the Slavic question in the domestic intellectual community. In this regard, the product of the discourse of romantic nationalism of the mid-19th – early 20th centuries was the educated society's ideas about the need for cultural integration of the indigenous population of the Asian periphery, which implied the development of an imperial project of colonial mediation, a significant element of which was the involvement of some foreigners in cooperation in the sphere of empire-building. In the course of the research it was established that the circle of potential colonial mediators was not limited to the descendants of titled nobility involved in the practices of administrative management, military activity and educational projects of Russia in the east of the country. The active activity of the Russian Orthodox Church in Asian Russia implied the inclusion of the most educated segment of the indigenous population in the work aimed at Christianisation and religious enlightenment of indigenous peoples.

It is suggested that the model of colonial mediation implemented by the indigenes in various areas of the imperial organisation of the colonised space was not ideal and had many vulnerabilities. The practices of Russian education and upbringing, broadcast by the actors of the empire in relation to the aliens involved in mediation, had twofold consequences and did not always confirm the fact of acculturation of the advanced alien intelligentsia. As bearers of dual identities, prominent representatives of indigenous ethnic groups independently defined the boundaries beyond which collaboration with the imperial authorities became impossible, which called into question the productivity of their work as intermediaries between the Russian administration and their tribesmen.

Keywords: “own foreigners”, discourse, eastern peripheries, Russian Empire, romantic nationalism, colonial mediation, imperial experts.

1. Введение

Политика населения на восточных окраинах Российской империи являлась важным составляющим элементом внутренней колонизации, реализуясь во второй половине XVIII – начале

* Corresponding author

E-mail addresses: b.tokmurza@gmail.com (B.S. Tokmurzayev), proffchurkin@yandex.ru (M.K. Churkin)

XX в. в специфической общественно-политической и социокультурной атмосфере распространения прогрессистских установок идеологии Просвещения, признание которых легитимировало принадлежность России к Европе и подтверждало амбиции политических элит и имперские ожидания во внутренней и внешней политике. По утверждению Р. Джераси, отказ Екатерины II от принудительной, репрессивной ассимиляции нерусских народов в периферийных регионах империи был связан не только с опасением беспорядков, но и опирался на просветительские рецепции религиозной и этнической терпимости (Джераси, 2013: 40). При этом, провозглашая терпимое отношение к представителям иных религий и этнических сообществ, Российская империя брала на себя ответственность за организацию опеки и управления в среде инородных элементов с целью превращения их в своих подданных.

Необходимо учитывать, что в XIX столетии модели инкорпорации коренного населения в российский социум являлись производным европейского и национального дискурсов, в которых конструировались и маркировались представления о «цивилизованном и нецивилизованном», «европейском – передовом и азиатском (восточном) – отсталом».

Во-первых, инициированная европейскими интеллектуалами 1830-х-1840-х гг. полемика о цивилизованных и нецивилизованных народах, отлилась в определение «стандарта цивилизации», в качестве которого выступал западноевропейский мир, его политические и общественные институты. Славянство в своей исторической ретроспективе позиционировалось в категориях «осталось» и «регресс», что вызвало в российском образованном обществе реакцию мобилизационного свойства и воплотилось в учреждение императорского Русского географического общества (1845 г.). В публикациях, посвящённых празднованию 50-летнего юбилея деятельности ИРГО, повсеместно подчёркивалось, что «...создание Общества весьма счастливо совпало с эпохой 1840-х гг., когда в молодых поколениях начало уже пробуждаться русское народное чувство», а «...русские его члены гораздо более интересовались изучением русского народного быта, чем антропологической географией и исследованием обитающих в пределах империи племен инородческих» (История полувековой..., 1896: 38).

Программные установки ИРГО, артикулированные одним из основателей общества Н.И. Надеждиным, фиксировали идею о необходимости изучения русского народа и исторических условий его этнического самоопределения, что преследовало и сугубо практическую цель: наполнение конкретным содержанием понятия «народность», наряду с другими устоявшимися элементами «уваровской триады» – православием и самодержавием (Надеждин, 1847: 61-115). Акцентуация внимания научного сообщества на исследовании этнографических характеристик русского народа и экспедиционная деятельность Отдела этнографии и статистики ИРГО легализовала дискурс русских как титульного этноса, возникший ещё в первой четверти XIX в. Общественно-политический атмосферный фон 1830–1840-х гг., который характеризовался резким приростом национального чувства, открывал перед российскими интеллектуалами не только возможности для широкого толкования категории «народ» (этнические русские, представляющие все сословия Российской империи, крестьянство как наиболее массовый слой социума), но и обоснования понятия «народ» как исконно русских подданных, противостоящих другим этническим группам, компактно или дисперсно рассредоточенным в границах имперского пространства. Слово «инородец», встречавшееся в справочных изданиях и повседневной риторике конца XVIII в., приобрело отчётливые юридические очертания в начале 1820-х гг., будучи введённым в законодательный и властный дискурсы Российской империи с принятием «Устава об управлении инородцев», разработанного в 1822 г. М.М. Сперанским (ПСЗРИ, 1830: 394-416).

Во-вторых, в рамках формировавшегося в XIX столетии отечественного дискурса романтического национализма, представления российских интеллектуалов о категории «народность» были существенно скорректированы, что, на наш взгляд, определяется спецификой российской колонизации. Долгосрочный колониальный опыт европейских политий, согласно рассуждениям В. Тольц, в рецепции западных экспертов XIX в. (учёных, политиков, чиновников), опирался на «веру в важность создания памяти о совместном прошлом, трактовавшемся как общая судьба» (Тольц, 2013: 60). Заметим, что это была судьба европейских исторических народов, противопоставляемых народам неисторическим, отделённым от европейцев гигантской пространственной и культурной дистанцией. Невозможность преодоления этой дистанции инициировала рождение расовой теории и расовой парадигмы в определении стратегий и практик коммуникации европейского колониализма со своими субалтернами. В российских обстоятельствах колониального опыта продвижение к восточным окраинам сопровождалось приращением территорий и иноэтничного коренного населения, коммуникации с которым носили регулярный характер. В отсутствии пространственных преград очевидными оставались культурные различия, преодоление которых, с точки зрения отечественных имперских экспертов, минимизировало в будущем финансовые и административные усилия, направленные на освоение и имперскую инкорпорацию периферийных регионов. Важно отметить, что стирание культурных различий представлялось экспертам возможным только в ситуации доминирования титульной нации – русских, маркируемой в дискурсе первой половины XIX в. в полном соответствии с традицией консервативного славянофильства по этническому (восточные

славяне) признаку. Ориенталист и имперский чиновник В.В. Григорьев в своей лекции, посвящённой отношению России к Востоку, определял как основные черты русской национальности, помимо любви к родине, единовластию и православной вере, «способность целого славянского племени обобщаться, принимать в себя человеческое...», что обеспечивает России право «сохранить, устроить и просветить племена Азии» (Григорьев, 1840: 6-7). Стоит сказать и о том, что дискурс романтического национализма в качестве вариантов стирания культурных различий и включения инородцев, т.е. «других», этнически чуждых, в систему координат «народность», с целью «научить грубых детей лесов и степей признавать благотворную власть закона, ценить гражданственность выше приманок своевольной свободы» (Григорьев, 1840: 7), допускал диаметрально противоположные сценарии. Насильственный способ культуртрегерства лаконично озвучил в письме к Н.И. Ильминскому епископ Вениамин, глава Забайкальской миссии: «...даём (инородцам – Б.Т.) русское имя с русским прозванием, отрезаем косу и, если есть средства, одеваем в русскую одежду,...учим его по-русски молитвам» (Харлампович, 1905: 13). «Мягкий» путь формулировался российскими либералами: «Не насилие, не кровопролитие, не инквизицию употребим мы для достижения цели..., а средства кроткие, мирные; вооружимся на святое дело не мечом и факелом, а снисхождением и терпением; будем распространять истины религии путём убеждения;...знания, науку будем сообщать приёмами, сообразными с умственными силами, духовным развитием,...потребностями народов» (Григорьев, 1840: 9). При всём несходстве посылов обозначенные практики свидетельствуют о сформировавшемся к середине XIX столетия понимании азиатской периферии как «собственного востока» России, населённого инородцами, в отношении которых должны быть реализованы программы имперской гражданской лояльности, коллективного подданничества и «обрусения» (Могильнер, 2008: 7). В результате указанных мер «собственный восток» обретёт и «собственного инородца», этнически чуждого русскому, но постепенно теряющего свою этнокультурную идентичность. В данном контексте моральным оправданием цивилизаторской миссии имперские эксперты первой половины XIX в. считали исторически и географически обусловленную способность русских к продуктивному взаимодействию с азиатскими народами, равно как и культурное родство с Европой, влияние которой должно быть адаптировано к национальной ситуации: «Мы передадим Азии только то, что Европа произвела хорошего, переработав прежде европейскую цивилизацию в самих себе; будем воспитывать Азию как своё родное дитя, вскормив собственной грудью как мать» (Григорьев, 1840: 9).

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования, направленного на раскрытие содержания дискурса инородцев восточных окраин империи как акторов колониального посредничества, составили два типа материалов, привлекаемых для достижения поставленной цели. Первая группа представлена текстами имперских экспертов – учёных-востоковедов, публицистов, путешественников, общественных деятелей, государственных чиновников, в которых запечатлена рефлексия российских интеллектуалов по поводу жизненного пути и профессиональной биографии инородческой титулованной знати в контексте политики населения Российской империи середины XIX – начала XX в. В воспоминаниях Н.И. Веселовского, Н.И. Ильминского, Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина конструировался сложный и противоречивый образ «своих инородцев», с одной стороны выполнявших важные функции коммуникативного посредника между имперской властью и массой коренного населения, с другой – сохранявших устойчивые характеристики этнокультурной идентичности, что в значительной степени снижало эффективность выполнения выдающимися инородцами имперских задач на востоке России. Во вторую группу вошли материалы, так или иначе отразившие включённость части инородцев в религиозно-просветительскую деятельность РПЦ на восточных окраинах: переписка учёного-востоковеда, педагога и просветителя Н.И. Ильминского с крещёными – служителями церкви, миссионерами, учителями в разных восточных регионах; записки и дневники миссионеров – выходцев из инородческой среды; автобиографические свидетельства инородцев – служащих Алтайской духовной миссии.

Все аккомодированные в исследовании тексты образуют дискурс, в рамках которого российские интеллектуалы и образованные инородцы выступают в качестве носителей знания, которое определило динамичные представления акторов дискурса о реализации различными группами коренного населения – «своими инородцами» - функций колониального посредничества как части имперского проекта освоения Азиатской России в середине XIX – начале XX в.

Обращение к подходам новой культурно-интеллектуальной истории даёт возможность в качестве исследовательского инструмента использовать в статье метод критического дискурс-анализа, который представляет собой форму социальной практики, позволяющий конституировать социальный мир, включая социальные идентичности и социальные отношения (Филлипс, Йоргенсен, 2008: 109). В этой связи основной акцент в процессе оперирования методом критического дискурса был сделан на том, что дискурсивные практики создают ситуацию неравного распределения власти между различными сообществами (в нашем случае, «человеком власти и культуры» и

«колониальными субалтернами»), что отливается в идеологические эффекты, к числу которых может быть отнесён и феномен колониального посредничества.

3. Обсуждение

Проблема колониального посредничества как фактора имперской ситуации в России стала предметом исследовательского интереса историков на рубеже XX–XXI вв. Усилиями Б. Кона, К. Бейли, Я. Кэмпбелла (Cohn, 1996; Bayly, 1996; Campbell, 2017), в целом широко растиражированный в отдельных исторических публикациях сюжет об участии местных национальных акторов в империостроительстве на восточных окраинах (Бобровников, 2012; Конев, 2013; Панченко, Стафеев, 2018) вышел за рамки описания частных случаев вовлечения «туземных элит» в сферы управления, военной и образовательной деятельности и стал рассматриваться в контексте производства знаний, в котором активно участвовали представители коренного населения, кооперировавшие с имперскими структурами. П. Сартори и П. Шаблей, развивая данную тему, высказали предположение о том, что круг корпус колониальных посредников не ограничивался представителями титулованной знати. И это определяет сложность в идентификации колониального посредничества как разновидности знания (Сартори, Шаблей, 2019: 38–39). В данном отношении появляется исследовательская перспектива выявления новых акторов колониального посредничества в границах азиатской периферии России за рамками элитарных групп и сугубо административно-управленческой сферы деятельности империи в колонизируемых окраинных регионах.

4. Результаты

Феномен колониального посредничества в системе координат внутренней колонизации как имперского «освоения» территорий и населения восточных окраин России актуализировался в 1860–1870-х гг., когда вектор российской колонизации постепенно смещался от обжитых и устроенных пространств Западной Сибири в направлении Степного края и Туркестана, где переселенцы и администрация столкнулись с численно преобладавшими коренными народами, ставшими объектом модернизационных решений и практик империи. Стремление Российской империи модернизировать включаемые в государственный оборот территории с инородческим населением было трудноосуществимо без привлечения местных сил и «туземных голосов», выполнявших функции толмачей, имперских чиновников, военных, учителей, сохраняя при этом «степень интеллектуальной автономии и деятельности» (Campbell, 2017: 8–9). Н.М. Ядринцев, приводя перечень образованных инородцев, включённых в систему имперского управления и просветительской работы на окраинах (Д. Банзаров, И. Николаев, В. Катанов, Ч. Валиханов и др.), отмечал, что все они были даровитыми учёными даже в европейской среде, и тем не менее их симпатии оставались на стороне «их несчастного племени» (Ядринцев, 2000: 240).

В сообществе российских востоковедов, репрезентировавших в своих трудах идею о «взрослении» инородцев как условии их обрусения, присутствовала убеждённость, что цивилизованный человек должен рассказать инородцам о них самих, истории народов, культуре, общественных отношениях, что станет стимулом к принятию русской культуры и основ цивилизации. Н.М. Ядринцев писал: «Дайте ему прежде всего описание его жизни, его кочевья, описание его племени, его нравов и его истории, пусть он увидит описанным самого себя и то, что к нему ближе, пусть он узнает, что его племя совершило, и что ему следует совершить» (Ядринцев, 2000: 242). Н.И. Веселовский в предисловии к собранию сочинений Ч.Ч. Валиханова, изданному в 1904 г., писал: «Русские ориенталисты единогласно признавали в его лице феноменальное явление и ожидали от него великих и важных откровений о судьбе тюркских народов» (Веселовский, 1904: 1). В этом литературном пассаже, на наш взгляд, неявно обозначены представления российской образованной публики и части научного сообщества об элитарном сегменте инородческого населения, которое, пройдя через имперские образовательные институты, преодолело границу «детства», позиционируемую в дискурсе романтического национализма как обязательное условие приобщения к цивилизации. Востоковед и педагог Н.И. Ильминский, предвзято свой труд по поводу практических замечаний о переводах русских книг на инородческие языки, подчёркивал, что «с инородцами надобно дело начать с начала, и смотреть на них как на детей, которые собрались учиться» (Ильминский, 1875: 6). Авторы сборника статей по инородческому делу, опубликованного уже в начале XX в., нравоучительно замечали: «Главное дело просветителей инородцев – поднять последних из полудикого состояния... Слово “просвещение” включает в себя два понятия: дать умственный и нравственный свет и “обрусить”» (Современные вопросы..., 1907: 1–2).

Нельзя не обратить внимание, что делегирование местным элитам, чаще всего второму и третьему поколению знатных аристократических фамилий, функций колониальных посредников, не отличалось широким охватом. Потомки ханов, султанов, биев азиатских владений Российской империи во второй половине XIX в. с детства были тесными узлами связаны с разноразличной, в том числе русской культурной средой, имея потенциал в будущем реализовать свои способности на разных поприщах государственной, военной службы и в общественной деятельности. Однако в основной своей массе выходцы из инородческой среды часто не имели возможности получить

качественное образование и обеспечить себе высокое положение в управленческой иерархии или других сферах жизни империи на окраинах. Н.М. Ядринцев с горечью констатировал: «Как жаль, что способности подобных людей (талантливых инородцев – М.Ч.) не имели выхода; из алтайцев и телеутов мы не знаем ни одного, достигшего даже уездного училища, нет ни одного образованного телеута, хотя многие из них совершенно обруселые» (Ядринцев, 2000: 39).

В определении посреднического статуса представителей инородческих элит акторы дискурса романтического национализма маркировали данную категорию не только как «наших», «своих», «русских инородцев» – подданных империи, но и ставили перед этой группой далеко идущие цели. Российские общественные, государственные и военные деятели в своём непосредственном общении с отдельными, наиболее способными инородцами конструировали такой вариант коммуникации, который позволял на практике убедиться в верности их теоретических предположений, основанных на мотиве «взросления», достигаемого средствами образования и воспитания. Современники Н.И. Ильминского, описывая его взаимоотношения с представителями коренного населения, среди которых внедрялась система обучения с использованием родных языков, особое внимание обращали на энтузиазм и безапелляционную веру педагога в своё дело. Корреспондент журнала «Православный благовестник» в 1894 г. так описывает контакты Н.И. Ильминского с «туземным» деятелем инородческого образования И.А. Алтынсариним: «После первого же знакомства, благодаря своей несравненной способности привлекать к себе сердца людей, Н. И-ч совершенно расположил к себе и подчинил своему духовному влиянию этого юного и симпатичного киргиза, и постепенно воспитал и образовал из него замечательного деятеля на поприще просвещения киргизов в русском направлении» (Эпизод..., 1894: 26).

В представлениях российских интеллектуалов «взросление» и «обрусение» лучших выходцев из инородческой среды как потенциальных посредников между массой индигенного населения и колониальной администрацией рассматривались как пролонгированный и обусловленный многими факторами процесс. Учёный и путешественник М.И. Венюков полагал, что успехи развития науки, прежде всего этнографических исследований в Сибири и Центральной Азии, географии и статистики, станут тем зданием, «...из сени которого выйдут новые туземные деятели науки, от которых можно ожидать, что они наконец припают среднеазиатские русские владения к самой России, ...дадут нашему политическому положению в Средней Азии более прочности, чем десятки дорогостоящих укреплений...» (Венюков, 1877: 162).

Создавая образ «своих» инородцев как будущих колониальных посредников, либеральная интеллигенция выстраивала соответствующую логику инкорпорации своих подопечных в цивилизованное общество. В воспоминаниях востоковедов и областников их персонажи – способные инородцы, первоначально экзотизировались. Н.М. Ядринцев в биографическом эссе о Ч.Ч. Валиханове сообщал: «Чокан был привезён в Омск осенью 1847 г..., ни слова не знал по-русски..., но им интересовались многие: киргизский мальчик, и при том такой способный, уже рисует, прежде чем поступить в заведение» (Ядринцев 1904: VI; XII). В воспоминаниях Н.И. Ильминского образ будущего казахского просветителя и педагога Ибрая Алтынсарина в стартовый период его личного и профессионального становления как бы вырастает из профанной, сугубо бытовой обстановки дома Ильминского, в которой действует экзотический персонаж: «С утра до обеда дамы занимались рукоделием, а Алтынсарин читал им книги художественного содержания. Когда он ошибался в ударении или встречал неизвестное ему слово, слушательницы его поправляли и объясняли; чтение перемешивалось постоянно с разговором. Мало по малу, Алтынсарин так свыкся и сдружился с нами, что принял наше предложение оставаться обедать, хотя он был в высшей степени застенчив и совестлив» (Ильминский, 1891: 21-22).

Оказавшись в русской социальной среде, молодые аристократы продолжали находиться в своеобразной зоне опеки, а круг их наставников расширялся. В биографических сведениях Ч.Ч. Валиханова, И.А. Алтынсарина, Г.Б. Валиханова содержится местами подробная, местами точечная информация о «проводниках» потомков титулованной знати, в число которых входили учёные, публицисты, общественные деятели: Н. И. Веселовский, В.В. Григорьев, Н.И. Ильминский, Н.М. Ядринцев, С.Я. Капустин, Г.Н. Потанин. В некотором смысле венчали «галерею наставников» региональные чиновники высших рангов, что косвенно свидетельствовало о подготовке колониальных посредников как важном сюжете имперской политики и способе коммуникации с инородцами. Так, Ч. Валиханов оказался в Омске в 1847 г., куда был доставлен переводчиком с киргизского языка В.И. Дабшинским, состоявшим при пограничном начальнике Сибирского ведомства (Ядринцев, 1904: VI); И.А. Алтынсарин начинал свою карьеру младшим толмачом при областном управлении Оренбургских киргизов, которое возглавлял российский учёный-ориенталист, тайный советник В.В. Григорьев, лично опекавший своего служащего-инородца (Ильминский 1891: 20); поступление в Сибирский кадетский корпус Г. Валиханова - внука последнего хана Большой и Средней киргиз-кайсацких (казахских) орд султана Губайдуллы, было инициировано Западно-Сибирским генерал-губернатором Г.Х. Гасфортом (Быков, 1891). Покровительство и внимание со стороны высшей бюрократии преследовало вполне конкретную цель: использовать авторитет и влияние обрусевших, образованных и воспитанных по европейским и российским стандартам

инородцев в военной, управленческой и образовательной сферах с учётом ситуации, складывавшейся в кочевых сообществах. Часто, как в случае с Ч. Ч. Валихановым, убеждённые в лояльности инородцев империи, местные власти поручали выходцам из аристократической среды ответственные разведывательные миссии (путешествие в Кашгар). Г. Валиханов, выполняя личные поручения Г.Х. Гасфорта, был направлен к Чёрному Иртышу для убеждения племён Семыз-Наймановского и других родов вступить в подданство России (Удербаета, 2020: 18).

Вместе с тем, сервильность русской власти, которую демонстрировали титулованные инородцы, имела и свои естественные пределы. В ситуациях дискриминационных действий империи по отношению к их соплеменникам, или при отсутствии адекватного своему уровню общества, отработанный механизм колониального посредничества начинал давать сбои. Ч. Валиханов и Г. Валиханов, несмотря на давний внутриклановый конфликт, проявили единодушную реакцию на «резню» в Пишпекке, устроенную генералом М. Черняевым при взятии города, оставив место службы и отправившись соответственно в г. Верный и аул Тезек (Потанин, 1904: XXIX–XXX). И. Алтынсарин, служивший в гражданском образовательном ведомстве (переводчик, учитель, инспектор русско-инородческих школ), согласно воспоминаниям Н.И. Ильминского, крайне болезненно реагировал на дефицит коммуникативной среды, необходимый для поддержания навыков русскоязычной речи. Раздоры и сплетни друг о друге, распространённые в Оренбургском укреплении, травмировали его, заставляя сомневаться в пользе своего служения. Справедливости ради скажем, что в случае с Алтынсариним положительный эффект имела его принадлежность к образовательному сообществу и влияние не только в инородческой, но и русской административной среде. Собрав кружок молодых киргизов, выходцев из кочевой среды, он сумел разъяснить им смысл Высочайше утверждённого временного положения об управлении киргизами 1868 г., а те, в свою очередь, разъехались по аулам, доказывая соотечественникам благотворность правительственного решения, что позволило сохранить порядок и спокойствие на местах (Ильминский, 1891: 37–38).

Немаловажным фактором купирования включённости «туземной» аристократии в дело колониального посредничества на восточных окраинах являлась актуализация их этнокультурной идентичности, которая в травматических ситуациях как бы «пересиливала» уже сформированную идентичность титулованных инородцев как российских общественно-политических, административных и военных деятелей. Как отмечал Н.И. Ильминский, Ибрай Алтынсарин крайне болезненно реагировал на нелицеприятные отзывы о своём народе: «...киргиз дикарь, колотырни́к, живет грабежом...; жестоко хандрил и по вечерам уходил на берег Тургая и смотрел в безпредельную степь, пустынную и голую, предаваясь грустным мыслям и мечтам...» (Ильминский, 1891: 33–34). Г.Н. Потанин в биографическом очерке о последнем периоде жизни Ч. Валиханова вспоминал сказанное его героем: «...я не могу жениться на русской девушке, потому что хочу служить своему киргизскому народу, а для этого должен остаться мусульманином...» (Потанин, 1904: XXXIII). Там же у Потанина находим: «Он говорил, что прежде всего, любит свой киргизский народ, потом Сибирь, потом Россию, потом всё человечество...» (Потанин, 1904: XXXI–XXXII). Оценка личности и приоритетов титулованных инородцев на русской службе рельефно артикулирована Н.М. Ядринцевым в рецепции областника последних дней жизни Ч.Ч. Валиханова: «В минуту разочарования, он идёт как Алеко Пушкина, в шалаш кочевников, где нравы проще и чище, ...после обольщений столиц и света...даровитый киргиз перед смертью возвращается к своему очагу и его окружает та же торжественная тишина степи» (Ядринцев, 1904: XXXVIII–XXXIX).

Активная экспансионистская политика России на восточных окраинах, военное утверждение и создание укрепленных линий приблизило коренные народы к имперским границам, что с середины XIX столетия вылилось в разнообразие стратегий выстраивания взаимоотношений и управления инородческим населением. Процесс продвижения русской оседлости в направлении Алтая и последовательного смещения вектора колонизации к Степному краю и Туркестану сопровождался преобладанием индигенного (языческого и мусульманского) населения над русскими (православными) переселенцами, что приводило к усложнению идеологии колониального посредничества и расширению круга местных инородческих акторов, включённых в реализацию имперского проекта седентаризации кочевников и их культурной интеграции в российский социум.

Власти Российской империи, действуя в тесном содружестве с Русской православной церковью, рассматривали религиозное просвещение инородцев как один из способов культуртрегерства и социальной инкорпорации инородцев, продвигая миссионерство в ближайшей к Европейской России Западной Сибири, и ограничивая, как в Степном крае, или вовсе исключая, как в Туркестане. Н.И. Ильминский, чья просветительно-миссионерская идеология стала решающим фактором национально-культурной мобилизации инородцев, полагал необходимым вовлечение передовых и одарённых людей из среды коренного населения в распространение христианского просвещения среди широких масс аборигенов восточных окраин империи (Ильминский, 1891: 28). Однако оптимизм и радужные надежды педагога разделяли далеко не все. Сибирские областники, в частности Н.М. Ядринцев, считали, что вовлечение выходцев из инородческого населения в миссионерскую деятельность чаще всего происходило по двум причинам: труд миссионера был крайне непривлекателен для российских священнослужителей в силу тяжёлых условий работы и

малой оплаты; кроме того, для способных инородцев, окончивших русско-туземные школы, служба в миссии была зачастую единственным вариантом трудоустройства и профессиональной реализации (Ядринцев, 2000: 239).

Вместе с тем, большинство имперских экспертов – представители чиновной бюрократии, учёные, публицисты – признавали такой сценарий колониального посредничества довольно продуктивным, поскольку хорошее знание инородцами-миссионерами местных условий, адаптированность к природной и социальной среде, в которой разворачивалась миссионерская работа, позволяли РПЦ через своих посредников выстраивать коммуникацию с различными группами коренного населения, в том числе дислоцированными отдалённо от административных центров. Не менее существенным являлся и фактор профессиональной подготовки инородцев к исполнению посреднических функций как религиозных просветителей. Так, из 93 миссионеров Алтайской духовной миссии, оставивших свидетельства о своей деятельности в период с 1888 по 1917 г., 49 человек были выходцами из инородцев. При этом подавляющее большинство (40 человек) окончило Бийское катехизаторское училище, стабильно работая на должностях учителей, переводчиков священников, псаломщиков, рядовых миссионеров (Миссионерские записки..., 2016: 176-187). Несмотря на то, что грамотность среди инородцев, принявших христианство и служивших в миссиях, стала распространяться только во второй половине XIX в., к началу XX столетия, как уверенно считают современные исследователи, кряшены, занявшие заметное место среди народных учителей и священнослужителей, значились среди наиболее образованных нерусских народов страны (Письма кряшен, 2014: 6). Более того, как и многие религиозные неопиты, инородцы-миссионеры отличались большей требовательностью к себе и настойчивостью в деле распространения христианства и бытового просвещения среди своих соплеменников. Миссионер-инородец Алтайской духовной миссии Михаил Чевалков в автобиографические воспоминания включил множество сюжетов, связанных с просветительскими акциями в среде коренных народов Алтая, в которых поражает не только настойчивость в продвижении православия, характерная для сообщества, но и диапазон профессионального интереса миссионера в его культуртрегерской практике. М. Чевалков подробно свидетельствовал о своём участии в судебных делах алтайцев и посредничестве между обычно-правовыми традициями инородцев и гражданско-правовыми установлениями; тесных контактах с коренными жителями и объяснении им преимуществ земледельческого русского хозяйства над промысловыми занятиями и т.д. (Памятное завещание, 1894: 1-94).

Подобно выходцам из титулованной знати, путь к выполнению функций колониальных посредников незнатных инородцев был связан с наставничеством и опекой, предоставляемой российскими общественными и церковными деятелями. М. Чевалков ещё в детском возрасте попал под влияние главы Алтайской духовной миссии архимандрита Макария (Глухарёва), а в период зрелости – путешественника и учёного-востоковеда В.В. Радлова, посодействовавшего развитию литературных способностей молодого телеута. Значимым фактом биографии Чевалкова стало переселение его семьи в г. Улала (с 1932 г. – Горно-Алтайск), являвшегося центром миссионерского подвижничества в Западной Сибири. Именно в коммуникативном пространстве русской православной среды происходило формирование мировоззрения М. Чевалкова, прежде всего – религиозного, который в автобиографии фиксировал результаты контактов с приверженцами православия: «...я стал скорбеть в душе и осуждать сам себя. Когда мои родители камлали, и если в это время заходил кто-нибудь из русских, мне становилось стыдно перед ними. Я скорбел в душе, что вера наша нехороша. Тогда мне было 9 лет» (Памятное завещание, 1894: 3).

Было бы неверно полагать, что модель колониального посредничества, реализуемая инородцами-миссионерами, была идеальной и не имела уязвимых мест. Н.М. Ядринцев писал о невысоком качестве начальной подготовки инородцев в миссионерских школах, обусловленном дефицитом квалифицированных преподавателей, а также малым количеством самих школ в пределах Азиатской России (Ядринцев, 2000: 238). По мнению Ядринцева, миссионерство и миссионерские проповеди часто формировали в коренном населении антирусские настроения: «...представители культуры и духовного просвещения не были на высоте своего призвания; напротив, в глухих инородческих районах сами проповедники миссионеры опускались и не были примером благочестия и нравственности» (Ядринцев, 2000: 226). Н.И. Ильминский, ведший активную переписку с кряшенами, регулярно получал письма от своих вчерашних подопечных, в которых обсуждались не вопросы веры и практической работы на почве религиозного просветительства, а домашнего хозяйства, материального благополучия и финансовой поддержки учителей и священников-инородцев (Письма кряшен..., 2014: 11-12). По справедливому замечанию американского историка Пола Верта, в продолжение XIX столетия, коренное население было поставлено в условие активного освоения культурных ресурсов, получаемых от имперских властей, что далеко не всегда сопровождалось аккультурацией, но становилось для инородцев важным инструментом поддержания и актуализации собственной этнокультурной идентичности (Верт, 2012: 57). В письмах, воспоминаниях, дневниках миссионеров-инородцев рельефно очерчен мотив этнической принадлежности авторов текстов. М. Чевалков начинает и заканчивает своё автобиографическое повествование с генеалогии рода, апеллируя к своим детям: «Вот, – дети, я написал о моих предках, чтоб вы не забыли!» (Памятное

завещание, 1894: 1). Составители сборника писем княжен Н.И. Ильминскому указывают на характерную особенность многих эпистолярных текстов: «Встречаются здесь и такие вещи: начнёт человек писать по-русски, но вдруг на полупhrase перескакивает на родной язык, и мысли выражает яснее и определённое» (*Письма княжен...*, 2014: 10-11).

5. Заключение

Подводя итог, отметим, что в дискурс романтического национализма, становление которого стало результатом роста национального самосознания и этнокультурной идентичности русского народа в 1830–1840-х гг., органично вплетаются сюжеты, так или иначе связанные с определением и реализацией политики населения Российской империи на восточных окраинах в середине XIX – начале XX в. Усилиями отечественных интеллектуалов: учёных, общественных деятелей, педагогов, путешественников и публицистов, формировались и распространялись представления о «своих инородцах», которых необходимо было цивилизовать и вовлечь в строительство империи. Имперские эксперты, включённые в дело конструирования «своих инородцев», в качестве «строительного» материала видели, прежде всего, прямых потомков аристократических слоёв общества коренных обитателей азиатской периферии России, всячески поддерживая и сопровождая их аккультурацию, с последующим привлечением к выполнению функций инородцев на российской государственной службе.

Низовой сегмент инородческого населения вовлекался в миссионерскую деятельность при посредничестве ведущих учёных-востоковедов и деятелей РПЦ. Получив специальное образование и специфическое церковное воспитание, способные инородцы реализовывали функции колониальных посредников, участвуя в религиозно-просветительских акциях, работая учителями миссионерских школ и т. д.

Анализ содержания дискурса позволяет говорить об условности и частой непредсказуемости результатов вовлечения инородческих представителей в колониальное посредничество, что было обусловлено конфликтом идентичностей. Осваивая культурные ресурсы империи, образованные инородцы сохраняли собственную этнокультурную идентичность, травматично воспринимая любые формы насилия в отношении своих соплеменников, что в значительной степени снижало их инструментальный потенциал как участников строительства империи на восточных окраинах страны.

Литература

- Бобровников, 2012 – Бобровников В.О. Что вышло из проектов создания в России инородцев? (ответ Джону Слоуму из мусульманских окраин империи) / «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. II. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 259-291.
- Быков, 1891 – Быков П.В. Г. Валиханов. Биографический очерк // *Нива*. 1891. № 11. С. 258-259.
- Венюков, 1877 – Венюков М.И. Россия и Восток. СПб.: Тип. Безобразова и Комп., 1877. 296 с.
- Верт, 2012 – Верт П. Православие, инославие, иноверие. Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.
- Веселовский, 1904 – Веселовской Н.И. Заметка / Сочинения Чокана Чингизовича Валиханова. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1904. С. I-III.
- Григорьев, 1840 – Григорьев В.В. Об отношении России к Востоку: Речь, произнесённая исправляющим должность профессора В. Григорьевым. Одесса, 1840. 18 с.
- Джераси, 2013 – Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религии в России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 548 с.
- Ильминский, 1875 – Ильминский Н.И. О переводе православных христианских книг на инородческие языки: Практические замечания Н. Ильминского. Казань: Университетская типография, 1875. 47 с.
- Ильминский, 1891 – Ильминский Н.И. Воспоминания об И.А. Алтынсарине. Казань: Типо-литография В.М. Ключникова, 1891. 396 с.
- История полувековой..., 1896 – История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. Ч.1. СПб.: Тип. Безобразова и Комп., 1896. 468 с.
- Конев, 2013 – Конев А.Ю. О первоначальном проекте Устава об управлении инородцев: история создания и основные положения // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2013. № 2. С. 47–52.
- Миссионерские записки..., 2016 – Миссионерские записки и дневники сотрудников Алтайской духовной миссии: Сборник архивных документов. Барнаул, 2016. 204 с.
- Могильнер, 2008 – Могильнер М. История физической антропологии в России (конец XIX – начало XX в.). М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
- Надеждин, 1847 – Надеждин Н.И. Об этнографическом изучении народности русской / *Записки Русского географического общества*. Кн.2. СПб., 1847. С. 61-115.
- Памятное завещание, 1894 – Памятное завещание. Автобиография миссионера Алтайской духовной миссии священника М.В. Чевалкова. М.: Тип. А.И. Снегирёвой, 1894. 94 с.
- Панченко, Стафеев, 2018 – Панченко А.Б., Стафеев О.Н. Инородческий вопрос в дискурсах Российской империи: между потребностями государства и представителями общества // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 436. С. 164-174.

- [Письма кряшен..., 2014](#) – Письма кряшен Н.И. Ильминскому. М.: Б.и., 2014. 459 с.
- [ПСЗРИ, 1830](#) – Полное собрание законов Российской империи. 1649-1825 гг. Собрание I. Т. IV. СПб.: Типография II отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1830. 892 с.
- [Потанин, 1904](#) – *Потанин Г.Н.* Биографические сведения о Ч. Валиханове / *Сочинения Чокана Чингизовича Валиханова*. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1904. С. IV-XXXIV.
- [Сартори, Шаблей, 2019](#) – *Сартори П., Шаблей П.* Эксперименты империи. Адат, шариат и производство знаний в казахской степи. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 280 с.
- [Современные вопросы..., 1907](#) – Современные вопросы и нужды в деле просвещения инородцев: сборник статей по инородческому делу. СПб.: Тип. Н. Скороходова, 1907. 14 с.
- [Тольц, 2013](#) – *Тольц В.* «Собственный восток России»: Политика идентичности и востокведение в позднейимперский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.
- [Удербаета, 2020](#) – *Удербаета С.К.* Казахские чиновники Туркестанского края. Алматы, 2020. 200 с.
- [Филлипс, Йоргенсен, 2008](#) – *Филлипс Н., Йоргенсен М.* Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.
- [Харлампович, 1905](#) – *Харлампович К.В.* О христианском просвещении инородцев: переписка архиепископа Вениамина Иркутского с Н.И. Ильминским // *Православный собеседник*. 1905. Вып. 7/8. С. 1-38.
- [Эпизод..., 1894](#) – Эпизод из просветительской деятельности Н.И. Ильминского // *Православный благовестник*. 1894. № 1. С. 26-31.
- [Ядринцев, 1904](#) – *Ядринцев Н.М.* Биографические сведения о Ч. Валиханове // *Сочинения Чокана Чингизовича Валиханова*. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1904. С. XXXV-XXXIX.
- [Ядринцев, 2000](#) – *Ядринцев Н.М.* Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 336 с.
- [Bayly, 1996](#) – *Bayly C.A.* Empire and informftion: Intelligence Gathering and Social Communicathion in India, 1780-1870. New York, 1996.
- [Campbell, 2017](#) – *Campbell I.* Knowledge and the Ends of Empire: Kazak intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731-1917. Ithaca; London, 2017.
- [Cohn, 1996](#) – *Cohn B.* Colonialism and its forms of Knowledge: The British in India. Princeton, 1996.

References

- [Bayly, 1996](#) – *Bayly, C.A.* (1996). Empire and informftion: Intelligence Gathering and Social Communicathion in India, 1780-1870. New York, 268 p.
- [Bobrovnikov, 2012](#) – *Bobrovnikov, V.O.* (2012). Chto vyshlo iz proektov sozdaniya v Rossii inorodcev? (otvet Dzhonu Slokumu iz musul'manskih okrain imperii) [What came out of the projects of creating foreigners in Russia? (response to John Slocum from the Muslim fringes of the empire)]. «Ponyatiya o Rossii»: K istoricheskoy semantike imperskogo perioda. P. II. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 259-291. [in Russian]
- [Bykov, 1891](#) – *Bykov, P.V.* (1891). G. Valihanov. Biograficheskij ocherk [G. Valikhanov. Biographical sketch]. *Niva*. 11: 258-259. [in Russian]
- [Campbell, 2017](#) – *Campbell, I.* (2017). Knowledge and the Ends of Empire: Kazak intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731-1917. Ithaca; London, 343 p.
- [Cohn, 1996](#) – *Cohn, B.* (1996). Colonialism and its forms of Knowledge: The British in India. Princeton, 412 p.
- [Dzherasi, 2013](#) – *Dzherasi, R.* (2013). Okno na Vostok: Imperiya, orientalizm, naciya i religiya v Rossii [Window to the East: Empire, Orientalism, nation and religion in Russia]. Moscow, 548 p. [in Russian]
- [Epizod..., 1894](#) – Epizod iz prosvetitel'skoj deyatel'nosti N.I. Il'minskogo [An episode from the educational activities of N.I. Ilminsky]. *Pravoslavnyj blagovestnik*. 1894. 1: 26-31. [in Russian]
- [Fillips, Iorgensen, 2008](#) – *Fillips, N., Iorgensen, M.* (2008). Diskurs-analiz. Teoriya i metod [Discourse analysis. Theory and method]. Khar'kov: Izd-vo «Gumanitarnyi tsentr», 352 p. [in Russian]
- [Grigor'ev, 1840](#) – *Grigor'ev, V.V.* (1840). Ob otnoshenii Rossii k Vostoku: Rech', proiznesennaya ispravlyayushchim dolzhnost' professora V. Grigor'evym [On Russia's attitude toward the East: A Speech delivered by professor V. Grigoriev, the acting professor]. Odessa, 18 p. [in Russian]
- [Harlampovich, 1905](#) – *Harlampovich, K.V.* (1905). O hristianskom prosveshchenii inorodcev: perepiska arhiepisropa Veniamina Irkutskogo s N.I. Il'minskim [On the Christian Enlightenment of Foreigners: Correspondence between Archbishop Veniamin of Irkutsk and N.I. Ilminsky]. *Pravoslavnyj sobesednik*. 7/8: 1-38. [in Russian]
- [Il'minskij, 1875](#) – *Il'minskij, N.I.* (1875). O perevode pravoslavnyh hristianskih knig na inorodcheskie yazyki: Prakticheskie zamechaniya N. Il'minskogo [On the translation of Orthodox Christian books into foreign languages: Practical remarks by N. Ilminsky]. Kazan': Universitetskaya tipografiya, 47 p. [in Russian]
- [Il'minskij, 1891](#) – *Il'minskij, N.I.* (1891). Vospominaniya ob I.A. Altynsarine [Memories of I.A. Altynsarin]. Kazan': Tipo-litografiya V.M. Klyuchnikova, 396 p. [in Russian]

- [Istoriya poluvekovoj..., 1896](#) – Istoriya poluvekovoj deyatel'nosti Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva [History of half a century of activity of the Imperial Russian Geographical Society]. P. 1. St. Petersburg: Tip. Bezobrazova i Komp., 1896. 468 p. [in Russian]
- [Konev, 2013](#) – [Konev, A.Y.](#) (2013). O pervonachal'nom proekte ustava ob upravlenii inorodcev: istoriya sozdaniya i osnovnye polozheniya [On the initial draft of the statute on the administration of aliens: history of creation and main provisions]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2: 47-52. [in Russian]
- [Missionerskie zapiski..., 2016](#) – Missionerskie zapiski i dnevniki sotrudnikov Altaiskoi dukhovnoi missii: Sbornik arkhivnykh dokumentov [Missionary notes and diaries of the staff of the Altai Spiritual Mission]. Barnaul, 2016. 204 p. [in Russian]
- [Mogil'ner, 2008](#) – [Mogil'ner, M.](#) (2008). Istoriya fizicheskoy antropologii v Rossii (konec XIX – nachalo XX v.) [History of physical anthropology in Russia (late 19th – early 20th centuries)]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 512 p. [in Russian]
- [Nadezhdin, 1847](#) – [Nadezhdin, N.I.](#) (1847). Ob etnograficheskom izuchenii narodnosti russkoj [On the ethnographic study of the Russian nationality]. *Zapiski Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Kn. 2. Pp. 61-115. [in Russian]
- [Pamyatnoe zaveshechanie, 1894](#) – Pamyatnoe zaveshechanie. Avtobiografiya missionera Altajskoj duhovnoj missii svyashchennika M.V. Chevalkova [Memorable testament. Autobiography of the missionary of the Altai Spiritual Mission, Priest M.V. Chevalkov]. Moscow: Tip. A.I. Snegiryovoj, 1894. 94 p. [in Russian]
- [Panchenko, Stafeev, 2018](#) – [Panchenko, A.B., Stafeev, O.N.](#) (2018). Inorodcheskij vopros v diskursah Rossijskoj imperii: mezhdru potrebnostyami gosudarstva i predstavatelyami obshchestva [The inorodic question in the discourses of the Russian Empire: between the needs of the state and the representatives of society]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 436: 164-174. [in Russian]
- [Pis'ma kryashen..., 2014](#) – [Pis'ma kryashen N.I. Il'minskomu](#) [Letters of the Kryashen to N.I. Il'minsky]. Moscow: B.i., 2014. 459 p. [in Russian]
- [PSZRI, 1830](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI), s1649 goda [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI), since 1649], P. I. Vol. IV. St. Petersburg: TipografiyaII otdeleniya Sobstvennoj EIV kancelyarii, 1830. 892 p. [in Russian]
- [Potanin, 1904](#) – [Potanin, G.N.](#) (1904). Biograficheskie svedeniya o Ch. Valihanove [Biographical information about Chokan Valikhanov]. Sochineniya Chokana Chingizovicha Valihanova. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov. Pp. IV-XXXIV. [in Russian]
- [Sartori, Shablej, 2019](#) – [Sartori, P., Shablej, P.](#) (2019). Eksperimenty imperii. Adat, shariat i proizvodstvo znaniy v kazakhskoj stepi [Experiments of Empire. Adat, sharia and knowledge production in the Kazakh Steppe]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 280 p. [in Russian]
- [Sovremennye voprosy..., 1907](#) – Sovremennye voprosy i nuzhdy v dele prosveshcheniya inorodcev: sbornik statej po inorodcheskomu delu [Current Issues and Needs in Alien Education: A Collection of Articles on Alien Affairs]. St. Petersburg: Tip. N. Skorohodova, 1907. 14 p. [in Russian]
- [Tol'ts, 2013](#) – [Tol'ts, V.](#) (2013). «Sobstvennyi vostok Rossii»: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii period [“Russia's Own East”: Identity Politics and Orientalism in the Late Imperial Period]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 336 p. [in Russian]
- [Uderbaeva, 2020](#) – [Uderbaeva, S.K.](#) (2020). Kazahskie chinovniki Turkestanskogo kraya [Kazakh officials of the Turkestan region]. Almaty, 200 p. [in Russian]
- [Venjukov, 1877](#) – [Venjukov, M.I.](#) (1877). Rossiya i Vostok [Russia and the East]. St. Petersburg: Tip. Bezobrazova i Komp., 296 p. [in Russian]
- [Vert, 2012](#) – [Vert, P.](#) (2012). Pravoslavie, inoslavie, inoverie. Ocherki po istorii religioznogo raznoobraziya Rossijskoj imperii [Orthodoxy, non-Orthodoxy, non-belief. Essays on the History of Religious Diversity in the Russian Empire]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 280 p. [in Russian]
- [Veselovskij, 1904](#) – [Veselovskij, N.I.](#) (1904). Zametka [Note]. Sochineniya Chokana Chingizovicha Valihanova. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov. Pp. I-III. [in Russian]
- [Yadrincev, 1904](#) – [Yadrincev, N.M.](#) (1904). Biograficheskie svedeniya o Ch. Valihanove [Biographical information about Ch. Valikhanov]. Sochineniya Chokana Chingizovicha Valihanova. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov. Pp. XXXV-XXXIX. [in Russian]
- [Yadrincev, 2000](#) – [Yadrincev, N.M.](#) (2000). Sibirskie inorodcy, ih byt i sovremennoe polozhenie [Siberian foreigners, their life and current situation]. Tyumen': Izd-vo Yu. Mandriki, 336 p. [in Russian]

«Свои инородцы» в имперском проекте колониального посредничества на восточных окраинах России в середине XIX – начале XX в.

Бакыт Салманович Токмурзаев ^{a, *}, Михаил Константинович Чуркин ^{b, c},

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: b.tokmurza@gmail.com (Б.С. Токмурзаев),
proffchurkin@yandex.ru (М.К. Чуркин)

Улан Курметкалиевич Жангалиев ^d, Серикбай Даулатұлы Мамраймов ^e

^a Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, Республика Казахстан

^b Омский государственный педагогический университет, Омск, Российская Федерация

^c Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, Россия

^d Университет им. Алихана Бокейханова, Семей, Республика Казахстан

^e Южно-Казахстанский педагогический университет им. Узбекали Жанибекова, Шымкент, Республика Казахстан

Аннотация. В статье выявляется содержание отечественного дискурса романтического национализма, в котором конструируемое имперскими экспертами понятие «свои инородцы» предлагалось как инструмент включения представителей коренного населения Азиатской России в решение задач имперской инкорпорации восточных окраин. Выбор временных границ исследования был обусловлен актуализацией национального самосознания россиян и широким обсуждением славянского вопроса в отечественном интеллектуальном сообществе. Идеи славянского единства и создания «большой русской нации» актуализировались в ситуации внутренней колонизации, результатом которой стало приращение массива территорий на восточных окраинах империи, в пределах которых инородческое население являлось преобладающим. В этой связи продуктом дискурса романтического национализма середины XIX – начала XX в. являлись представления образованного общества о необходимости культурной интеграции коренного населения азиатской периферии, что предполагало разработку имперского проекта колониального посредничества, значимым элементом которого выступало привлечение части инородцев к сотрудничеству в сфере империостроительства. В процессе исследования установлено, что круг потенциальных колониальных посредников не ограничивался потомками титулованной знати, вовлекаемой в практики административного управления, военной деятельности и образовательных проектов России на востоке страны. Активная деятельность Русской православной церкви в Азиатской России предполагала включение наиболее образованного сегмента коренного населения в работу, направленную на христианизацию и религиозное просвещение индигенных народов.

Также высказано предположение, что модель колониального посредничества, реализуемая инородцами в различных областях имперской организации колонизируемого пространства, не была идеальной и имела множество уязвимых мест. Практики русского образования и воспитания, транслируемые акторами империи по отношению к инородцам, привлекаемым к выполнению посреднических функций, имели двоякие последствия и не всегда подтверждали факт аккультурации передовой инородческой интеллигенции. Являясь носителями дуальной идентичности, выдающиеся представители коренных этнических групп самостоятельно определяли границы, за которыми коллаборация с имперской властью становилась невозможной, что ставило под вопрос продуктивность их деятельности как посредников между российской администрацией и соплеменниками.

Ключевые слова: «свои инородцы», дискурс, восточные окраины, Российская империя, романтический национализм, колониальное посредничество, имперские эксперты.